

РАЗДРАЖЕНИЕ

Окончание. Нач. в № 83.

— Иван Сергеевич, пойдете к нам? Мама настойки приготвила. С устатку невредно... Вы не стесняйтесь, мама у меня добрая...
Бурдыко заметил, что глаза у Николая материнские. И даже голос неуволимо схож.

Почему-то вспомнился вчерашний день. Он принимал посетителей. Вошла в кабинет древняя старушка. Лицо у нее было крохотное, посеревшее от времени. И столько на нем ютилось морщин, что, казалось, расправь их — и кожи хватит на два липа... У нее крадкая, вежливая походка, вид застенчивый. Остановилась у двери, переступила с ноги на ногу и хотела наложить крест. По привычке подняла было руку, да осеклась, скинула ее вниз, улыбулась виновато, что означало: «извини меня, старую. Забывчивость проклятая». Голос у старушонки низкий, с глухим придыхом.

Вначале ничего не понял Бурдыко из ее сбивчивого рассказа и попросил повторить. С трудом разобрал: старушку из дома выгнал сын. Женится, а сношке она не приглянулась. Мол, и одевается не так, и громко шлепает по полу, а ест — сильно чавкает. Куда теперь старым деваться?

— Намедни и выпроводил. Из дома-то свое, батюшка... Подсоби, родненький... За тебя моли... Прости, родненький, благодарить стану...

Бурдыко, помнится, пообещал ей что-то неопределенное и постарался ее выпроводить. А когда она ушла, позвонил секретарю и сказал:

— Займись сердобольной старушкой. Агриппина Сизова. По Садовой живет.

Вспомнилось, что даже не пригласил старушку сесть. А ведь го-

ре привело ее к нему. Пошла бы разве с жалобой на сына, не будь на это причины горькой. Но тут же Бурдыко постарался унять внутренний голос и стал себя утешать:

«До старух ли мне, председателю, когда за плечами район огромный, что тебе Швейцария. Звонки со всех концов летят. Там машин не хватает, там без квартиры учителя, в другом селе угля к школе не подбросили. Тут поневоле камнем станешь. А можно ли иначе? Нет, пожалуй. Только попустись, как на шею все вскарабкаются. Мне приходится, по крайней мере, вопросы решать районного масштаба, а они тут с мелочами со всякими. На мое бы место Воробьева...» Утешал себя, а виделась ему сейчас старушонка с крохотными, бесцветными глазами, утонувшими в густой сети глубоких морщин. Будто незримо вошла она, встала за спиной и робко сдерживает дыхание, ждет его помощи. А много ли надо старому до счастья... Платок сын привез — и она до слез рада...

Ивану Сергеевичу стало неловко перед этим парнем за свою недавнюю раздражительность, за свои мысли о нем.

— Здешний, значит? — чтобы не молчать спросил председатель, вскидывая брови.

— Здесь и рос. Окончу, работать сюда приеду. Земляки — народ хороший.

— Агроном-то есть...

— Бригадиром. Лишь бы у земли. Дел непочатый край.

— Лет-то сколько?

— Двадцать пять. Отслужил и в институт.

— Выглядишь моложе.

Белозерцев усмехнулся чему-то своему и повторил приглашение.

— Спасибо, я приду.

Бурдыко надел на босу ногу са-

поги, накинул на плечи плащ и вышел на улицу. Ему было не по себе. Ночь все так же моросила сыростью и лежала, плотная и недвижимая, над селом. Мысли были тоже невеселые. Парень вызвал в нем воспоминания. Он приехал из института с радужными мечтами. Думал совершить революцию в сельском хозяйстве. Он и начал вводить повешства, не согласуя ни с кем. По этому поводу часто вспыхивали ссоры с руководителями и зачастую ему записывали выговора. Бывал не прав и он. Его поддерживали, поправляли, но кто-нибудь, вроде Воробьева, делал «надлежащие выводы» за ошибки и давал понять, чтобы не самовольничал. Постепенно Бурдыко отступал от своих позиций, стал выполнять «спускаемые» инструкции. «От людей, дорогой Иван Сергеевич, скроешь, перед собой хитрить зачем? Сдал ты в последние годы. Слишком дорого тебе тихое болотце. Без боя часто уступаешь»...

Стоял на дощатом шатком крыльце под мелким нудным дождем и сутулил свои угловатые, громоздкие плечи. Сильно-сильно захотелось ему пойти к людям сейчас, сию минуту, и покаяться перед ними, заявить во всеуслышанье, что теперь он, Иван Сергеевич Бурдыко, не убоится Воробьевых и пойдет своим твердым шагом...

Справа светилося расплывчатым желтым пятном одинокое окно. Ивану Сергеевичу думалось: там укладывается спать агроном. С нестерпимой болью потянуло к этой синеглазой женщине. Вошел бы он туда, остановился у порога и сказал бы...

Но так и не решив, что скажет, вдруг понял: нет, не найдутся нужные слова, а надо их искать, во что бы то ни стало искать...